

УДК 821.16

Л. П. Дронова

ЯЗЫКОВАЯ ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ «ХОРОШИЙ» И «ПЛОХОЙ» СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОАЗИАТСКОГО ДИАЛОГА*

На какой глубине истории, в каком культурно-историческом контексте формировалось понятие добра и зла, представление о хорошем и плохом, явленное в славянском языковом сознании? Попытаться ответить на этот вопрос можно, обратившись к истории лексико-семантической группы слов, сформировавших и выражающих общеоценочное значение. Семантическое пространство этой ЛСГ рассматривается нами как выражающее мировоззренческий конструкт естественного языка, специфицирующий национальные культуры на фоне мировой культуры.

Диахронический подход к анализу языковых средств представления качественной оценки действительности по признакам «хороший» / «плохой» позволяет поставить ряд вопросов, важных как в историко-лингвистическом отношении, так и в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом: к какому времени относится становление общеоценочной оппозиции; какова динамика языковых средств представления этой оппозиции; что за нею стоит, какие социально значимые признаки окружающего мира или отношений между людьми были «канонизированы», востребованы определенной историко-культурной ситуацией и как эти историко-культурные сценарии вписываются в контекст евроазиатского диалога? В аспекте этих вопросов проанализируем лексемы, выражающие общую мелиоративную и пейоративную оценку, на фоне семантического пространства этимологических гнезд, породивших рассматриваемые языковые знаки. Тем самым предполагаем возможность восстановить исторически складывавшиеся мотивационные отношения и определить дескрипционный признак, бывший в основе общеоценочного значения.

В исторической перспективе самые поздние и новые обозначения положительного и отрицательного полюсов оценки – русские *хороший*, *плохой* – имеют целый ряд своих

предшественников. Уже на общеславянском уровне представлены в общеоценочной функции производные от **dobr-*, **zъl-*, **god-*, **blag-*, **lěp-*, **xud-*, **lix-*, более узко, в части славянских языков, включая русский, известны с этим значением продолжения **lad-*, **kras-n-*, **durn-*, **l'ut-* и, наконец, в русском – *хороший*, *плохой*. Наши привычные средства выражения полюсов оценки оказываются сравнительно молодыми, новыми: *хороший* в этой роли используется с XVI в. (отдельные употребления с XII, XIV вв.), *плохой* – эпизодически в различных памятниках с XV–XVIII вв.

Признано, что у славян наиболее ранними и основными языковыми средствами обозначения полюсов оценки являются *добрый* и *злой*. Несмотря на то что в современном русском языке слова *добрый* и *злой* фактически утратили семантику общей оценки, она видна еще в отдельных употреблениях, ср. *добрая весть*, *добрый молодец*, *добро и зло* и др. Процесс вытеснения с позиции общей оценки этих лексем синонимами наблюдается и в других славянских языках, что, вероятно, связано с процессами демократизации литературных языков славян [Фелькина, 1990. С. 9]. Тем не менее в славянских языках, кроме русского и украинского, значение ‘хороший’ остается у продолжений слав. **dobъгъ* (ср. болг. *добър*, чеш., словц. *dobrý*, пол. *dobry* ‘добрый, хороший; хорошего качества, полезный’ и т. п.). *Злой* (**zъlъ*) в большей степени теснят синонимы, преимущественно экспрессивы по происхождению (ср. укр. *поганий*, *злий*, *слабий*, чеш. *špatný*, *zlý*, польск. *kiepski*, *zły*, *marny* при словен. *hud* ‘злой, плохой’, с.-хорв. *xud* ‘дурной, плохой; бедный’).

Начнем с языковой представленности первого противочлена оппозиции «хороший–плохой». Русское *добрый* имеет соотвественства во всех славянских языках. Общеоценочность слав. **dobъгъ* проявляется в широком спектре референции: это ‘подходящий, свойственный’, ‘годный, пригодный

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 05-04-04141а.

(о людях), 'подходящий, благоприятный (о времени)', 'надлежащий, безупречный; дельный, умелый', 'добрый (о людях)', 'имеющий необходимые качества, хороший (о вещах)', 'урожайный (о земле)', 'сильный, быстрый (о коне)', 'здоровый, полезный', 'удачный, счастливый'. Генетически оно определяется бесспорно близким слав. *doba 'то, что подходит, свойственно', '(подходящее) мера, способ, форма, вид', чаще 'подходящее время, пора', *dobo 'время, пора', *doby 'время, пора, способ', *doby 'хороший, красивый, здоровый' [Этимологический словарь... Т. 5. С. 38, 40, 47, 50; Аникин А. Е., 1999. С. 214–216]. Эти славянские образования считаются продолжением и.-е.*dhabh- 'прилаживать; подходящий' и его производного и.-е.*dhabh-го- [Pokorny, 1959. S. 233–234].

Однокорневые образования от и.-е.*dhabh- есть также в германских и балтийских языках. Германские соответствия представлены гот. ga-daban 'подобать, подходить', gadōfs 'приличествующий, подходящий', др.-англ. ge-dafenian 'быть годным, подходящим', ge-dafen 'подобающий, подходящий', др.-исл. dafna 'делаться ловким, сильным' и др. [Фасмер, 1964–1973. Т. 1. С. 519–520; Pokorny, 1959. С. 233–234; Lehmann, 1986. С. 134–135]. Это преимущественно глаголы и отглагольные прилагательные. Им в славянских и балтийских языках соответствуют отыменные глаголы: *po-dobati, *po-dobajet 'приличествует, следует' (юж., вост. слав.), 'любить, иметь склонность' (зап., вост.), *podobati se 'походить на кого-, что-либо, нравиться' с точным соответствием в лтш. dabāt 'быть удобным, благоволивать'. Славянское *dobiti 'делать подходящим', *podobiti (как 'придавать нужную форму, вид') и 'украшать, наряжать' (ср. чеш. dobiti 'формовать', в.-луж. debić 'украшать, наряжать, чистить'), *podobiti se 'быть похожим', *s̄dobiti 'улучшать, наряжать' и *udobiti 'придавать нужную форму, вид, украшать' сопоставляются с литов. dabinti 'украшать, наряжать, применять, приспособливать', dabintis 'стесняться', dabūti '(с)наряжать' [Этимологический словарь... Т. 5. С. 39–40; Аникин, 1998. С. 215].

Отличие славянских и балтийских однокорневых образований от германских в их соотносительности с именной формой *doba (славянские – словен. doba 'пора, подходящее время, срок, возраст, образ, способ', н.-луж. doba 'удобное время, пора', 'сутки', 'время', 'мера, степень', др.-рус. *подоба* в значении 'способ (действия), поведение, вид, облик' и др., балтийские – литов. daba

'природа, свойство, характер', labdabls 'хорошего вида', лтш. daba 'вид, способ, характер, природное свойство', dabigs, dabisks 'природный' [Там же. С. 29–39; Аникин, 1998. С. 214]. На этом балтославянские схождения не заканчиваются: балтийской основе *dabn- (литов. dabnūs 'изящный, красивый') соответствует слав. *dobьль- (ср. рус. *удобный, подобный* и т. п.); славянское *dobьгь 'хороший, добрый' (= 'подходящий') при балтийском *dab(a)ra, *dab(e)ra (литов. dabar 'теперь', dabartis 'современность', dābar 'еще', прус. dabber 'еще'). Семантическое различие между балтийскими и славянскими фактами может быть объяснено разной степенью обобщенности семантики: «лит. dabar можно понимать как 'соответствующий данному времени', а слав. *dobьгь – как 'соответствующий...', 'подобающий...' и т. д. – не только во временном плане» [Топоров, 1975–1990. Т. 1. С. 284]. Литовское dabar 'теперь', dābar 'еще', прус. dabber 'еще' имеют соответствие в функционально подобном употреблении в усилительном, частично-модальном значении др.-рус. *добь* 'очень, весьма, чрезвычайно', рус. диал. *добре* 'очень, весьма', 'совсем', 'много', 'долго', *добро* 'в самом деле', 'точно', 'однако', 'все-таки' и т. п. [Там же; СРНГ. Т. 8. С. 75–77].

На фоне такой формально-семантической близости славянских и балтийских рефлексов и.-е. *dhabh-г-, с одной стороны, и германских – с другой, подчеркнем еще одно отличие, которое нас интересует прежде всего: общеоценочное значение развилось **только у славянской формы**. Анализ производных и.-е.*dhab(h)- 'соответствовать, подходить' показывает, что это проявление славяно-балто-германского регионализма – отголоска того времени, когда в обозначенном историко-культурном регионе человек находил языковые средства оценки своих отношений с внешним миром («нормативная», позитивная оценка). Синкретизм этой региональной языковой единицы видится в нерасчлененности в ее семантической структуре дескриптивного и оценочного значений (дескриптивное значение, осложненное оценочной коннотацией). И производное *dhabh-г-, вероятно, представляет два варианта преобразования синкреты *dhabh-: в варианте балтийских языков (литов. dabar 'теперь', dābar 'еще', прус. dabber 'еще') обобщение получил, видимо, дескриптивный компонент значения, а в славянском – оценочный. В славянских же языках актуализация оценочного потенциала значения *dob- произошла не только у про-

изводного (*dobъ), но и ареально у продолжений неосложненного производящего, ср. рус. диал. *добой* ‘хороший’ (пск.), *доб* (кратк. прилаг.) ‘хорош’, *доб* (сущ.) ‘избалованный, баловень’ (ср.-урал.), *доб*, *-а*, *-о* ‘добр, хорош’ (пск., новг., горьк.), ‘силен, здоров’ (смол.), *доб-здоров* ‘в совершенном здоровье’ (пск.), *доб-парень* ‘красивый парень’ (новг.), укр. диал. *добый* ‘хороший’ (мукач.) [Этимологический словарь... Т. 5. С. 47].

В рассмотренной славяно-балто-германской изоглоссе есть и еще одна проблемная сторона, касающаяся расширения ее границ. Дело в том, что практически все авторитетные исследователи относят, хотя и с разной долей уверенности, к и.-е. *dhabh- лат. *faber*, *-i* ‘мастер, ремесленник, художник, кузнец’ (у Плавта: *faber ferrarius* ‘кузнец’, у Горация: *faber aeris* ‘медник, чеканщик’, у Цицерона: *faber tignarius* ‘плотник’), *faber*, *bra*, *brum* ‘мастерской, искусной работы, художественно выполненный’, *fabrica* ‘ремесло, мастерство, изделие’ и арм. *darbin* ‘кузнец’ [Рокорну, 1959. С. 233; Фасмер, 1964–1973. Т. 1. С. 520–521; Этимологический словарь... Т. 5. С. 46; Топоров, 1975–1990. С. 282]. При их формально-семантической близости балто-славянским производным основы *dhabh- (семантически как ‘подходящий, годный / способный’ > ‘мастерской’) бросается в глаза и резкое отличие по статусу, функциям: если слав. *dobъ и балт. *dab(a)г- являют собой определенные элементы системы однокорневых слов, то *faber* и *darbin* изолированно представлены в латинском и армянском языках, терминологичны. Иначе говоря, в этих языках существуют производные по форме (*dhabh-г-) и значению (‘годный / способный’ > ‘мастерской’) и нет и следов производящего. Эта ситуация наводит на мысль о «Kulturwörter». Такое решение снимает и противоречие, касающееся лишь частичного совпадения ареала распространения продолжений основы *dhabh- (балто-слав.-герм.) и ее производной *dhab(h)-го- (арм.-лат.-балт.-слав.-герм.) при аккумуляции мелиоративного значения только в праславянском (мелиоративное значение, которое следует предполагать производящим для лат. *faber* и арм. *darbin*). Это предположение конечно же всего лишь попытка как-то интерпретировать вскрываемые языковыми фактами противоречия (слав. *dob- и слав. *dobъг – лат. *faber* и арм. *darbin*) через соотнесение их с историко-культурными, историко-археологическими материалами и их оценкой. Значительной степени гипотетич-

ности невозможно избежать в силу отсутствия языкового материала вследствие исчезновения целого ряда языков так называемой палеобалканской группы, кельтских языков Средней Европы, в силу поздней письменной традиции в этой зоне вечного евроазиатского «фронттира», культурного диалога.

Второе лексическое средство выражения общей оценки праславянского уровня – прилагательное *godъпъ(жъ). Рефлексы праслав. *godъпъ(жъ) в одних славянских языках выражают **утилитарную** оценку (болг. *годен* ‘годный, подходящий’, диал. ‘удобный, выгодный’, рус. *годный* ‘могущий быть полезным, пригодным, подходящий, удобный’), в других она совмещается с **этической** (н.-луж. *godny* ‘годный, способный, благоприятный, удобный’, ‘достойный, важный, приличный’, польск. *godny* ‘достойный, подходящий, подобающий’ и (стар.) ‘крупный, значительный’, словац. разг. *hodny* ‘хороший, порядочный, добросовестный’), дополняется **гедонистической, эстетической** (с.-хорв. *godan* ‘годный, способный’, ‘приятный, угодный’, ‘красивый’, чеш. *hezky* ‘красивый, хороший (в нравственном отношении)’, укр. *гідний* ‘годный’, *годний* ‘почтенный, достойный, уважаемый, хороший’, ‘достойный, стоит’, ‘согласный’, диал. ‘красивый, хороший’). Реализуясь в славянских языках в широком спектре частных оценок, слав. *godъпъ на общеславянском уровне представляет **общую мелиоративную оценку**.

Семантические параметры, определяемые на основании предполагаемого исходного (инвариантного) значения ‘**подходящее время, срок**’ для существительного *godъ, позволяют считать производящим для него, как и для прилагательного *godъпъ(жъ), скорее глагол *goditi [Этимологический словарь... Т. 6. С. 192–193] (хотя М. Фасмер предполагает, наоборот, отыменной характер глагола, а В. Махек разделяет *godъ и *goditi [Фасмер, 1964–1973. Т. 1. С. 426; Machek, 1957. С. 129]).

Сравнение с родственной лексикой других индоевропейских языков выявляет близость слав. *godъ с алб. *ngē* (*ngeh*) ‘удобный случай’, литов. *tagad* ‘теперь, в данное время’ и с преимущественно производными по значению германскими однокорневыми образованиями, обнаруживающими отглагольную природу (др.-в.-нем. *gi-gat* ‘подходящий’, англос. *ge-gada* ‘супруг; товарищ’, нем. *Gatte* ‘супруг’ и гот. *gadiliggs*, др.-сакс. *gaduling* ‘родственник, свояк’, англос. *gadeling* ‘товарищ’). Славянское *goditi генетически соотносимо и семантически

близко с лтш. *gadīt* ‘попадать, приобретать, находить’, *gadītiēs* ‘случаться, появляться’, *gadīgs* ‘способный, почтенный’, и, возможно, тохар. А, В *kātk* ‘радоваться’. С другой стороны, оно имеет родственную лексику в германских языках: герм. **gattjan*, откуда др.-фриз. *gadia* ‘объединять’, ср.-в.-нем. *ergetzen* ‘радовать, улаживать’, *gaten*, *gegaten* ‘подходить друг другу’, ср.-н.-нем. *gaden* ‘подходить, нравиться’, англ. *together* ‘вместе, друг с другом’, *to gather* ‘собирать (урожай)’, ср.-в.-нем. *vergatern* ‘объединяться’ и др. [Этимологический словарь... Т. 6. С. 190, 192; Pokorný, 1959. S. 423–424; Fraenkel, 1955. S. 127; Etymologisches Wörterbuch. Bd. 5. S. 488–489].

Определяемая в таких границах изоглосса включает в себя единичные рефлексии и.е. корня **ghadh-* в албанском, балтийских и, возможно, тохарском, а в германских языках это уже гнездо однокорневых слов, и полнее всего эта этимологическая группа представлена в славянских языках. Славянские языки выглядят как «эпицентр» развития производных и.е. корня **ghadh-* с предполагаемым исходным значением ‘подходящий, годный’: в семантике славянских продолжений этого и.е. корня есть все содержательные компоненты, присутствующие в других языках у однокорневых слов лишь частично. Так, наличие у родственной лексики значения ‘**подходящее время, случай**’ – основание для выделения славяно-балто-албанской изоглоссы (см. выше: слав. **godъ*, лтш. *gadīt*, *gadītiēs*, алб. *ngē*). Значение ‘подходящий’ как ‘**достойный, ценный**’ объединяет славянские континуанты с балтийскими (*годний* ‘почтенный, достойный, уважаемый’, чеш., словац. *hodný* ‘достойный, порядочный’, словац. *byť hoden* ‘быть достойным, заслуживать, стоить’ и т. д., литов. *guōdas* ‘честь, слава, угощение’, лтш. *gūods* ‘честь, слава’, *gadīgs* ‘способный, почтенный’). Семантическая линия развития исходного ‘подходящий’ как ‘**нравящийся, близкий**’ и ‘**подходить (друг другу), нравиться**’, ‘**договариваться, объединяться**’ сближает славянские рефлексии корня **ghadh-* с германскими: ст.-слав. *goditi* ‘угождать, удовлетворять’, польск. *godzić* ‘приводить к соглашению, мирить’, ‘соединять’, рус. *годиться* (в отцы, дочери и т. п.) при гот. *gadiliggs*, др.-сакс. *gaduling* ‘родственник, свояк’ и др. (выше), др.-фриз. *gadia* ‘объединять’, ср.-в.-нем. *gaten*, *gegaten* ‘подходить друг другу’, *vergatern* ‘объединяться’ и т. д., т. е. здесь реализуется предполагаемая исходная семантика ‘**улаживать / уладить** (межличност-

ные отношения)’, ‘быть в ладу с кем-л.’ и ‘те, с кем находишься в ладу’.

Семантика германских соответствий более однородна, акцентирует внимание на межличностных отношениях. Значимость этих отношений для древних германцев, основным занятием которых, по свидетельству античных авторов, были военные походы (как и наличие такого социального института, как *hansa*), как полагаем, и выразилась в том, что однокорневое рассмотренной лексике образование (корень в ступени продления) служит в германских языках для обозначения общей положительной оценки (гот. *gōþs* ‘хороший’ – продолжение прагерм. **gōd*, ср. англ. *good*, нем. *gut* и т. п.). Другая культура, образ жизни, ориентированность сознания славян на мирные, бытовые ситуации определила для слав. **godъль(ь)* широкий спектр референции и функцию общей мелиоративной оценки, которая в конкретной реализации, видимо, преимущественно выступала как утилитарная оценка (ср. *удобный, выгодный, погода*). Возникает любопытное «пересечение»: по сформировавшейся общеоценочной функции однокорневых слов выделяется славяно-германская лексико-семантическая изоглосса (у герм. **gōd* общеоценочная – это единственная функция, у слав. **god-ъль* – одна из ряда функций), а по форме корня германскому **gōd* ближе балтийские образования – литов. *guōdas* ‘честь, слава, угощение’, лтш. *gūods* ‘честь, слава’ (это только восточнобалтийские соответствия, в древнепрусском подобное образование не отмечено, что также показательно, учитывая сепаратные западнобалтийско-славянские связи и социальную маркированность средств общей оценки). Семантика же балтийских соответствий определенным образом перекликается с содержательной стороной слав. **godъ* (ст.-слав. *годъ* ‘год’, ‘праздник’, ‘удобное время’, чеш. *hod* ‘церковный, престольный праздник’, *hody* мн. ч. ‘пир, угощение, праздничный стол’, рус. диал. *годы* мн. ч. ‘празднество, пир’ и т. п.) и его производных (с.-хорв. *godovati* ‘праздновать’, ‘ценить, хвалить’, чеш. *hodovati* ‘давать пир’).

Таким образом, значения генетически близкой лексики других (неславянских) языков подтверждают хронологическую глубину очерчиваемого семантического континуума слав. **god(n)-*, на основе которого сформировалась частная (утилитарная) оценка (ср. *удобный, погода*). Расширение оценочного спектра значения позволило слав. **god(n)-* выразить и этическую, эсте-

тическую оценки (ср. укр. *годний* 'достойный, уважаемый, хороший', диал. 'красивый, хороший', словац. разг. *hodny* 'хороший, порядочный, добросовестный' и др.). То, что слав. **godьпъ*, подобно герм. **gōd-*, имело общеоценочное значение, «подскачивается» возникновением значения модальности долженствования у однокорневых глаголов, на формирование семантической структуры которых, как отмечают, повлияла именная семантика (*годитися* 'случиться, оказаться'; 'годиться, подходить', *безл.* 'подобать, следовать' (см. выше): 'быть годным' = 'быть хорошим' = 'быть нужным, должным'. Подтверждением функционально-семантической близости, синонимичности в общеславянском **godьпъ* и **dobгъ* могут служить обнаруженные в реликтовой майнсковенедской области соответствующие лексико-семантические изоглоссы: в номенклатуре, первоначально связанной, вероятно, с обозначением хороших сельскохозяйственных угодий, производные с корнем **dobг-* представлены на запад от реки Регниц, в восточной части региона зафиксированы продолжения корня **god-* (**godica*, **godьп-*, **godьси*) [Трубачев, 2002. С. 397].

Следовательно, из двух основных (ранних) славянских лексических средств выражения общей положительной оценки одно является собственно славянской семантической инновацией (слав. **dob-гъ*; правда, с неясными отношениями с соответствующими континуантами латинского, армянского и германских языков), другое (слав. **god-*, **godьпъ*) – совместным славяно-германским новообразованием, диагностирующим тем самым тесное культурное взаимодействие носителей праславянского и прагерманского языков (диалектов) на определенном этапе их истории.

Какие же отрицательные признаки были маркированы нашими предками и обобщены до общеотрицательных?

Основным выразителем значения общей отрицательной оценки в старославянском и древнейших памятниках русского языка (как и большинства современных славянских языков) является прилагательное *злой* (*зльъ*, *золь*), существительное *зло* (*зльо*), наречие *зло* (*зль*, *зль*). Это «первенство» демонстрируется и на словообразовательном уровне: *злой*, *зло*, *зль* выступают как первая часть сложных слов со значениями 'плохой', 'злой', 'очень' в древнерусском (в «Словаре XI–XVII вв.» 250 слов, у Даля – около 200 слов), в современном русском, других славянских языках (особенно широ-

ко эта лексема представлена как первая часть сложных слов).

Дальнейшая история развития *зльый* в древнерусском и русском литературном языках заключается в постепенной утрате позиции ядерной лексемы в лексико-семантической группе общей отрицательной оценки: с XIV–XV вв. прилагательное *зльый* и его производные в памятниках светской литературы активно заменяются словами с корнями *лих-*, *худ-*, *дур-*. В XVI–XVII вв. эта тенденция развивается, а в XVII–XVIII вв. *злой* уже практически не является словом с общеоценочной семантикой [Фелькина, 1990. С. 11–12].

Обращаясь к фактам истории, к письменным свидетельствам древнерусского языка, отмечаем употребление прилагательного *злой* со значениями **этической оценки** ('злой, жестокий', 'враждебный, недоброжелательный', 'губительный, пагубный', 'неправедный, нечестивый': *аки злии волцы*, *имѣти злую память* 'быть злопамятным', *зла любовь* 'пагубная', *злая вѣра*, *злое учение* 'ложное вероучение, ересь'), оно широко используется для выражения **утилитарной оценки**, реализуя ее в значениях 'неблагоприятный, неудобный' (...и *сташа денье зли: мразь, вялица*), 'труднодоступный, опасный, гиблый' (*зла рѣка*, *въ зльхъ лѣсѣхъ*), **гедонистической оценки** – 'неблагозвучный' (*музикия... познание приличныхъ благиъ гласовъ и зльхъ, еже есть разньствие въ согласие показующихъ*), 'неприятный, некрасивый' (*Луче есть злу быти лицемъ негли умомъ; злоликий, злоличный*), а также и **общей пейоративной оценки** (*Передь б(ого) мь... кождо дѣла не скрываютъ(я) бл(а)гая или злая. Начаша...тѣ прежние деньги рѣзати и злии примѣсь въ серебро класти*) [Словарь русского языка... Т. 6. С. 23–24].

С чем связан тот факт, что семантика именно слова *злой* оказалась тесно связана с выражением этической оценки (а не *худой*, *лихой*, например? В результате взаимодействия с каким дескриптивным значением возникло частнооценочное и общеоценочное значения прилагательного *злой*? Данные древнерусской письменности и факты всех славянских языков дают значение общей оценки в одинаковом окружении – 'недоброжелательный', 'вызванный или проникнутый злобой', 'свирепый', которое связано с достаточно сложными этическими понятиями. На чем же они строились? Где же исходное значение слав. **зльъ*?

Славянское **зльъ* имеет генетические связи в индоиранских, греческом, латин-

ском, балтийских языках, где в семантике однокорневых слов коррелируют значения **‘косой, кривой’**; **‘идти вкривь’** и **‘обманчивый, лживый / ложный’**, **‘обманывать’**. Так, в индоиранских языках эта ЛГ представлена авест. *zūra-* ‘несправедливость’, авест. *zbar-*, др.-инд. *hvár-* ‘идти вкривь’, др.-инд. *hváras* ‘изгиб, кривизна; обман’, *hválati* ‘оступаться’, *hrunāti* ‘заблуждается’, др.-перс. *zūrakara-* ‘злодей’, перс., пехл., парф. *zūr* ‘ложный’, ‘ложь, обман’, ‘зло, нечестие’. Осетинский язык здесь, как и в ряде других случаев, отходит от иранской традиции и смыкается с европейскими языками, являя в форме однокорневых образований не ротацизм, а «ламбдаизм»: *zūl|zol* ‘косой, скошенный’, *zūlmæ* ‘вкось, наискось’, *zylyn|zulun* ‘кривой, извилистый’, ‘неправый, виноватый’, хотя в иронском диалекте известен и чисто иранский аблаутный вариант – *ævzæg* ‘дурной, плохой’ из **zwaḡa-* (при дигорском *læḡuz* ‘плохой’ – либо заимствование из кавказских, либо результат сложения *læx-xuz*, досл. ‘дрянного (*læx*) вида (*xuz*)’; с этим же значением в осетинском в сложных словах, а отчасти и самостоятельно выступает *fud|fud*) [Pokorny, 1959. Bd. 1. S. 210–211; Bd. 4. S. 316, 320]. В классических языках соответствия обладают сходным кругом значений: греч. *φάλος* ‘безрассудный’, *φάλος* ‘гребень шлема’ (‘рогообразный выступ на шлеме’), *φολκός* ‘косой’ и, возможно, сюда же *φῶλος* ‘обманчивый, лживый’, *φηλητής* ‘обманщик, плут’, *φηλόω* ‘обманываю’, а также лат. *fallo, falsum* ‘обманываю’ (<и.-е. **ḡhuel-*: **ḡhuol-*: **ḡhul-* ‘косой, кривой’; ‘идти вкривь’). Балтийские континуанты имеют отличия. В литовском языке признак ‘косой, кривой’ по отношению к человеку интерпретируется не в плане оппозиции прямой / правильный / неложный («истинный ↔ ложный»), как в вышеобозначенных языках, а как признак, определяющий черты в характере (нраве) человека, не соответствующие («отклоняющиеся») принятой норме. Поэтому в литовском языке лексемам *puožvelnūs, puožulnūs* ‘покатый, наклонный’, *žvalūs* ‘бодрый, живой’ (собств. ‘легко гнущийся’), *įžvilnas* ‘косой, вкось’, *įžulnūs* ‘косой’, *pražulnūs* ‘косоугольный, косой’ соответствуют однокорневые *įžūlūs* ‘наглый, дерзкий’, *atžūlūs* ‘упрямый, грубый, бесчеловечный’ и др. («хороший ↔ плохой»). Семантической «периферией» оказываются латышские соответствия (лтш. *zvel'tu, zvelt* ‘катать, ударять с размаху’, *zvalns* ‘шаткий, колеблющийся’ и т. п.). Общеоценочное же значение ‘плохой’ отмечено только у слав. **zъlъ*

и осет. диал. *ævzæg* [Фасмер, 1964–1973. Т. 1. С. 520; Т. 2. С. 99; Черных, 1994. Т. 1. С. 326; Pokorny, 1959. S. 233–234, 489–490; Walde? 1938–1954. Bd. 1. S. 436].

При всей бесспорности и прозрачности семантической структуры однокорневых слов (первичное значение ‘кривой, изогнутый’, вторичное – ‘ложный, обманный, несправедливый’) трудно судить о семантической эволюции слав. **zъlъ* в славянских языках и даже об ее исконности (прямой унаследованности). Дело в том, что во всех языках, где представлена однокорневая лексика, в том или ином варианте явлены первичное и вторичные значения, во всех языках, кроме славянских. В славянских эта лексема известна только в частно- и общеоценочном значении, которое реализуется контекстуально как частноотрицательное, выражая отрицательную оценку объекта с интересующей субъекта стороны. Кроме славянских языков, общеоценочное значение есть только у осет. диал. *ævzæg*. Но при этом иранские континуанты сохраняют и значения ‘кривой’, ‘ложный’, т. е. являют всю цепочку развития семантики однокорневых слов. А. А. Зализняк в обзоре славяно-иранских схождений в мифологической и религиозно-этической области, опираясь на работы предшественников, отмечает особую близость слав. **zъlъ* именно иранским однокорневым соответствиям (это мнение поддерживает Д. И. Эдельман [Эдельман, 2002. С. 169]) [Зализняк, 1962. С. 42]. Славянское общеоценочное **zъlъ*, не имея поддержки для своей внутренней формы (дообщеоценочного значения) через лексико-семантические связи, тем не менее спецификой своего функционирования (сочетаемостью, направлением синонимизации) демонстрирует «память» о производящем значении ‘ложный, обманный’. Это проявляется, в частности, в том, что в прямом значении оно определяет явления этической сферы, поведение живых существ.

Косвенным свидетельством того, что внутренняя форма этой лексемы осознавалась, служит использование ее как главного языкового средства представления полюса смысловой оппозиции «добро – зло» в старославянской (православной христианской) картине мира. В ней функционально-семантически близким *zъlъ* оказалось *лоукавь*, имеющее подобный мотивировочный признак (рус. *лукавить* ‘ходить криво, луками, изгибами’, *лука* ‘изгиб, кривизна, излучина’ [Даль, 1903–1909. Т. 2. С. 272]). Кроме *лукавь*, происходит синонимизация в оценочном значении *zоль* с рядом слов, имев-

ших исходным также значение 'отклоняющийся, кривой, неправильный' (*развращенный, стрелитивый, неправдывный* и т. п.). «В концептуальном плане *лукавство* – это полная противоположность *благодати*» [Берестнев, 1999. С. 105]. Таким образом, история слова *злой / зло*, выражающей столь важные в русской / славянской культуре смыслы, свидетельствует о тесном культурном взаимодействии в определенный период славян с иранским миром (скифо-сарматским; при том, что в однокорневой лексике балтийских языков иная «ось синонимизации»). Более того, еще одна лексема со значением общей отрицательной оценки оказывается связана с иранским субстратом для части славянских языков.

Продолжения праслав. **xudъ* известно практически во всех славянских языках, правда, в функции общеотрицательной оценки оно представлено в части языков (рус., укр., с.-хорв., словен.). *Худой* в русском употребляется в значениях 'плохой, дурной, имеющий большие изъяны, недостатки' и 'тощий, тщедушный'. В древнерусском языке, кроме этих значений, *худъ* (*худый*) могло иметь еще ряд значений ('слабый, непрочный'; 'малый, скудный, незначительный'; 'бедный; невзрачный, жалкий' [Срезневский, 1893–1903. Т. 3. С. 1414; 1417–1420]) при ст.-слав. *хоудъ* как эквиваленте *μικρός* 'мелкий, ничтожный, скудный' [Старославянский словарь..., 1999. С. 767]. Подобную картину видим и в других славянских языках: укр. *худий* 'худой, тощий', 'худой, дурной', диал. 'плохой', с.-хорв. *худ(и)* 'дурной, плохой'; 'несчастный, бедный', чеш. *chudý* 'бедный, неимущий', 'худой, тощий', 'плохой, скверный', польск. *chudy* 'тощий, поджарый' и т. п. [Черных, 1994. Т. 2. С. 359–360; Этимологический словарь... Т. 8. С. 111–112].

Убедительной этимологии **xudъ* не имеет. В этимологическом словаре славянских языков как наиболее вероятная оценивается реконструкция исходной для *худой* формы **ksoudo-* и сближение с др.-инд. *kṣódati* 'толочь, дробить', *kṣudrá-* 'маленький, мелкий' (Потебня, Педерсен) или с др.-инд. *kṣúdhya-ti* 'ощущает голод, голодает' и *kṣudhā* 'голод' (Machek, Mauryhofer) [Этимологический словарь... Т. 8. С. 111–113; Фасмер, 1964–1973. Т. 4. С. 282; Черных, 1994. Т. 2. С. 359]. Старшее значение, в таком случае, логично предполагается как 'тощий' ('тощий' либо из 'малый, незначительный', либо из 'голодающий, худой'), отсюда значение 'слабый', затем 'плохой' (вряд ли 'слабый' → 'тощий' → 'плохой' (См.: [Черных, 1994.

Т. 2. С. 359–360]). Круг родственной лексики слова *худой* может быть расширен за счет лит. *skaudùs* 'болезненный', *skurdùs* 'скудный, бедный, убогий', *skurdas* 'скудность', если допустить и.-е. **ksoudo-* > балт. **skauda-* [Этимологический словарь... Т. 8. С. 112]. При стольких допущениях весьма проблематичное решение. Впрочем, несмотря на сложность сближения и формально-семантической реконструкции на уровне праславянского / индоевропейского, развитие общеоценочного значения 'плохой' из '(физически) слабый, болезненный' (< 'тощий, худой') достаточно единодушно признается в этимологических словарях, как и в специальной работе, посвященной славянским прилагательным общей оценки [Фелькина, 1990. С. 12]. Таким образом, перед нами достаточно нередкий случай, когда малоубедительная «корневая» этимология (при ряде формальных допущений, отсутствии каких-либо следов первичного значения) «подкрепляется» убедительной (логичной для современного сознания) культурной схемой.

«Неожиданным» на фоне этих многочисленных и однотипных решений оказывается недавно печатно высказанное мнение Вяч. Вс. Иванова, который предлагает слав. **xudъ* рассматривать как заимствование из скиф. **fud-* > осет. *fyd / fud* 'плохой, дурной'. «Семантические обертоны русск. *худой* 'тощий' сопоставимы с аналогичным значением осетин. *fyd-xyz* 'дурно выглядящий, истощенный'. <...> По употреблению русскую сравнительную степень *хуже* можно сопоставить с осетин. *fyddaer / fuddaer*. В славянском можно предположить перекодирование заимствованного скифск. **fu-* > *ху-*, ср. к фонетической мене согласных передаче скиф. **huška* (осетин. *xusk'ae / xysk'* 'сухой') посредством греч. *Φυσκη* в качестве названия Высохшего Устья реки у Птолемея» [Иванов, 2002. С. 35]. Разделяя это предположение, мы хотели бы подробнее рассмотреть это сближение, особенности функционирования осет. *fyd / fud*.

Этимологически осет. *fyd / fud* 'дурной'; 'зло, беда' связано с иранским **pūta-* (причастие прош. вр. от **pū-* 'гнить'), родственно др.-инд. *pūti* 'гнилой, скверный', лат. *pūtidus* 'гнилой, противный'. К числу однокорневых в осетинском относят и глагол *fawyn* 'хулить' (< **pū-*, **pa-* 'гнить, гноить') [Абаев, 1958–1989. Т. 1. С. 489]. В осетинском *fyd / fud* 'плохой, дурной', как и его соответствие в русском, чаще выступает в качестве составной части сложных слов (*fydaz* 'дурной год', *fydzaman* 'дурное вре-

мя', *fydfyn* 'дурной сон, кошмар', *fydmi* 'злодеяние', *fydwag* 'злонравный', *fydgænæg* 'злодей' и др.). Как самостоятельное прилагательное чаще используется ирон. *œvzœg* и дигор. *læguz* (об этом выше) [Абаев, 1958–1989. Т. 1. С. 211]. Таким образом, осет. *fyd / fud* исходно обозначало признак, который был маркирован в сознании предков осетин как личностно и социально значимый с отрицательной стороны ('гнилой' = 'некачественный, непригодный' и, следовательно, 'невзрачный, скудный, ничтожный'), этот признак был обобщен и стал соотноситься со всем плохим.

Первичность для слав. **xudъ* общеоценочного значения «подсказывает» как семантика осет. *fyd / fud*, так и семантическая структура производных, прежде всего, в южнославянских языках, где у однокорневых слов сочетаются значения 'плохой, дурной' и 'злой' (словен. *hûd* 'плохой, дурной, злой', *hudôta* 'зло', *hudôba* 'злость, гнев, злодей', с.-хорв. *худôба* 'злость', глагол, образованный от прилагательного, имеет (болг., с.-хорв., словен.) значения 'порицать, хулить, злиться, сердиться' и др. [Этимологический словарь... Т. 88. С. 110–112]). Такое направление развития было бы маловероятно, если бы семантика общей отрицательной оценки развивалась из 'бедный, скудный, ничтожный'. Стабильность отрицательной оценки худобы в традиционной русской культуре [Толстик, 2004] привела к устойчивости связи этих значений, снижению степени обобщения, что и стало, видимо, причиной утраты лексемой *худой* общеоценочной позиции. Показательно, что как в русской традиционной культуре, так и в скифо-сарматской отрицательно маркирована худоба и положительно отмечена дородность, ср. осет. *xærz-xuz* 'полный (о человеке)', 'кто хорошо выглядит', 'здорового вида' при *fyd-xuz* 'худой', 'болезненного вида', где *xuz* 'цвет, вид, образ' [Абаев, 1958–1989. Т. 4. С. 273].

Продолжая рассматривать синонимические средства выражения общей отрицательной оценки в историческом аспекте, обращаем внимание на то, что понятие о зле связано с понятием о лишении как отсутствии чего-то жизненно важного для человека, ср. в ранних древнерусских текстах *озление* 'страдание, болезнь', *озлитися* 'потерпеть бедствие' и лишь позднее (с XVII в.) 'обозлиться', *озлобление* 'страдание, мучение; притеснение' [Словарь русского языка... Т. 12. С. 310]. В тексте XVI в. (Дамаскин; Великие Минеи-Чети; ~ XV в.) дается такое определение зла: «*Зло бо ино ни-*

чтоже ес<ть>, но отшествие от добра, яко ж<е> и т<ь>ма от свѣта естъ отшествие» [Там же. Т. 6. С. 15]. Это хорошо согласуется с этимологическим значением *зол-, зъл-* ('косой, кривой' как 'непрямой, неправильный' в соотношении с эталонным 'прямой, правильный'), собственно говоря, исходное значение – 'ущербный', 'лишенный прямизны / правильности'. Таким образом, полагаем, что понятие «зла, злой» на уровне языковых средств проявляет внутреннюю, сущностную близость тому представлению, что стоит за словами *лихо, лихой, лишение* (ср. др.-рус. *лиховати* 'лишать, отнимать; обижать' [Словарь русского языка... Т. 8. С. 247]). Поэтому не случайно, что уже с XIV-XV веков в памятниках светской литературы, а с XVII-XVIII вв. в связи с процессом демократизации языка и маркированностью лексемы *злой, зло* как церковнославянизма его заменяет в общеоценочной функции *лихой* (наряду с *худой, дурной*) [Фелькина, 1990. С. 11].

В семантической структуре продолженный слав. **lixъ* представлено развитие значения 'чрезмерный / недостаточный' как 'лишний, неравный (по количеству), нечетный' в сочетании с вариантами реализации общеотрицательного значения: болг. диал. *лих* 'имеющий определенный существенный недостаток – хромой, слепой, косой' и т. п., с.-хорв. *лих* 'один, исключительный', *lih* 'ненужный, лишенный, искалеченный', 'лживый, ложный', 'тщетный, пустой', (о числе) 'нечетный', словен. *lih* 'нечетный', ст.-чеш. *lichý* 'неравный (по количеству)', 'неправый', 'подложный', 'злой', 'простой, лишенный чего-л.', 'плохой, дурной', польск. *lichy* 'плохой, злой', 'жалкий, несчастный', *licho* 'беда, зло' и 'нечет', др.-рус. *лихой* 'чрезмерный, излишний, плохой, дурной, злой, плохой по качеству, фальшивый' и т. п. [Этимологический словарь... Т. 15. С. 99–102; Словарь русского языка... Т. 8. С. 249–250]. Внутренняя форма производных слав. **lixъ*, структурирующая их семантику и связанная с идеей дуализма (парный / непарный, чет / нечет), реализуется в славянских языках в значении 'избыточный / недостаточный, чрезмерный' и преимущественно с отрицательной оценкой – 'лишний' / 'ненужный' → 'плохой' (ср. сказочный персонаж *Лихо одноглазое*, по преданиям, встреча с этим существом могла привести к потере руки или гибели человека).

Подобный культурный сценарий нашел отражение в семантической структуре образований от прагерманской основы **ubila-* 'плохой, дурной, злой, bad' (гот. *ubils,*

ubilaba, др.-англ. *yfel*, др.-фриз. *evel*, др.-сакс. др.-в.-нем. *ubil*, ср.-н.-нем. *ovel*, англ. *evil*, нем. *übel* и т. п.), продолжившей и.-е. **urélo-*, производное от и.-е. **uró-*, **ur-* [Etymologisches Wörterbuch... Bd. 2. S. 1479–1480]. В семантике образований от этого корня в разных индоевропейских языках сосуществуют значения 'выше' и 'ниже' (напр., лат. *sub-* *super*, исл. *ofan* 'сверху, на поверхности' и 'вниз по (с)' или нем. *übrig* 'пышный, роскошный, избыливающий' и др.-в.-нем. *urřig* 'ничтожный, незначительный, пустой, напрасный' и др.), а в прагерманском этот признак был обобщен по отношению к норме, соотнесен с представлением о недостаточном / чрезмерном как о плохом.

Интересную славяно-германскую изоглоссу образуют лексемы со значением 'плохой (дурной, злой) человек', являющиеся по происхождению экспрессивами. Речь идет о производных и.-е. **gwēu-*, **gwōu-*, **gwū-* с расширением *-dh-* (*g-* лабиальной артикуляции), обозначающих нечистоту в прямом и переносном смысле: праслав. **gadъ*, **gada*, **gaditi* (ср. макед. *gad* 'гад, земноводное, пресмыкающееся животное', диал. *gad* 'мерзавец', словен. *gáda* 'изъян, порок', рус. *гаджий*, *гадко*, разг., диал. *гад*, *гада*, *гадина* 'бранное слово' и др.) и германские соответствия (др.-в.-нем. *quōt*, *quāt*, нем. *Kot* 'навоз, помет', др.-англ. *swēad* 'грязь', ср.-англ. *swēd* 'дурной, плохой', ср.-нидерл. *qwaet*, голл. *kwaad* 'злой, отвратительный', ср.-в.-нем. *quāt*, ср.-н.-нем., др.-фриз. *quād* 'плохой', а также кимр. *budr* 'грязный', алб. *zī* 'черный', 'несчастный' и т. п. [Этимологический словарь... Т. 6. С. 81–82; Т. 7. С. 220; Топоров, 1975–1990. Т. 2. С. 231–233; Pokorny, 1959. S. 484–485].

Итак, как показывает история становления наиболее ранних способов языкового выражения понятий «хорошо» и «плохо» в славянской традиции, ареальность возникновения общеоценочных значений на фоне генетически близкой лексики родственных языков, регионально соприкасавшихся со славянскими, формирование языковых средств экспликации этих понятий относится к периоду особенно тесных контактов праславян, с одной стороны, с прагерманцами (вероятно, как показывают археологи, с IV–III вв. до н. э. в бассейне Вислы-Одера и до IV в. н. э., времени ухода восточногерманских племен с территорий расселения славян в ходе Великого переселения народов), с другой стороны – с иранским (скифо-сарматским) миром (ранние

контакты относят к VI в. до н. э., затем взаимодействие с ираноязычным населением связано с расселением славян в пределах черняховской культуры и формированием группировки антов). Интересно, что в сфере этой идеологически значимой лексики нет общих балто-славянских инноваций.

The article semantic reconstructs the history of Slavonic concept of BAD and GOOD against a mosaic background of the world cultures.

Список литературы

Фелькина О. А. Развитие семантики славянских прилагательных общей оценки в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1990.

Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–2003. Вып. 1–30.

Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии: Материалы для балтославян. слов. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1998. Вып. 1. (**a-* – **go-*).

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.

Lehmann W. P. A gothic etymological dictionary. Leiden: E. J. Brill, 1986.

Топоров В. Н. Прусский язык: Слов. Т. 1 (A-D), 2 (E-H), 3 (I-K), 4 (K-L), 5 (L). М., 1975–1990.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.; Л., 1965. Вып. 1.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955.

Etymologisches Wörterbuch der Deutschen // W. Pfeifer etc. Berlin, 1993. Bd. 1–2.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М., 2002.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2002. Вып. 1–26.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958–1989. Т. 1–4.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1–2.

Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3-te, neubearb. Aufl. von Hofmann J. В. Heidelberg, 1938–1954. Bd. 1–2.

Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М.: Вост. лит., 2002.

Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. М., 1962. Вып. 6. С. 28–45.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. испр. и доп. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903–1909 (1994). Т. 1–4.

Берестнев Г. И. Иконичность добра и зла // Вопр. языка. 1999. № 4. С. 99–113.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) 2-е изд., стереотип. / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.

Иванов Вяч. Вс. Славяно-арийские (индоиранские) лексические контакты // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 17–51.

Толстик С. А. Семантическое поле ‘худой’ в русском языке: эволюция концепта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.